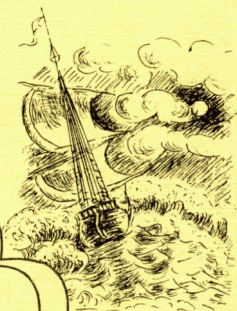

Виктория БАГИНСКАЯ (Гурджи)

**НАРОДНЫЕ
ПЕСНИ
И
ПОСЛОВИЦЫ
КРЫМЧАКОВ**

12+

Виктория Багинская

Народные песни и пословицы крымчаков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32508168

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга представляет собой собрание народного творчества крымчаков. Крымчаки – древняя, самая малочисленная народность нашей страны, никем не изученная и почти никому не известная. Автор – крымчачка по национальности, собрала этот фольклор и перевела на русский язык с целью сохранения литературного творчества народа, исчезающего с лица земли. Книга представляет интерес для историков, этнографов, литературоведов и всех, кто любит устное творчество народов мира.

Содержание

КЛЯТВА	7
МАМИНА ПЕСНЯ НАД КОЛЫБЕЛЮ	9
ЗАБЫТОЕ БОГАТСТВО	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

© В. И. Багинская, 2003, сбор фольклорного материала и перевод его с крымчакского на русский язык

© В. И. Багинская, 2003, художественное оформление

© А. А. Багинский, 2003, в главе «Традиции продолжают-ся» – рубаи

Электронная версия создана по изданию:

Багинская В. И. Народные песни и пословицы крымчаков. – Краснодар, 2003. 128 с., илл.

ISBN 5-93499-082-9

*Памяти родителей моих
Веры Петровны и Ильи Яковлевича Гурджи
посвящаю*

КЛЯТВА

Где скалы нависли, как бремя,
И в море их тени легли,
Негласно, забытое всеми,
Ютится древнейшее племя
Загадкою Крымской земли.
Писáтро, Пури́м, Ачкина́зи,
Гурджи́, Мизрахи́, Чапичо́... —
Фамилии всей Евразии
Сплелись в небывалой фантазии —
Где встретишь такое ещё?
Никто вам не скажет, откуда
Такая в них пёстрая смесь —
Природы ль капризное чудо,
Смешенье ль вселенского люда,
Ладьи швартовавшего здесь?..
Умчало и спрятало море
Легенду и правду о них
Чей взгляд так пронзительно чёрен,
И нем, и глубок, будто горе
В глазах притаилось больших.
Их губы в печальной улыбке
Всегда перевозданно свежи,
Тела и движения гибки,
Их голос – подобие скрипки,

Слова и сужденья – ножи!
Вразлёт соболиные брови,
То золото кудри, то ночь...
Склоняюсь я к их изголовью:
Мои они братья по крови —
Я древнего племени дочь.
Постигнув с пелён двуязычье,
Качаясь на той же волне,
Их скромность я чту и величье
И с честью ношу их обличье —
Их песни и плачи – во мне!
Их думы, надежды, страданья,
Любви и отчаянья крик
Не выдадут людям преданья:
Хранит их в суровом молчанье
Неведомый миру язык...
Пусть ноша раздавит мне плечи,
Пусть счёт потеряю годам!
Их песни, что шли издалече,
На гордом, на РУССКОМ наречье
Тебе я, РОССИЯ, отдам!

Виктория Багинская (Гурдџи)

МАМИНА ПЕСНЯ НАД КОЛЫБЕЛЬЮ

«...Идите, – сказала женщина благообразного вида, – я посмотрю Вашу малышку». Они ехали вместе от самой Керчи. Мама дала ей годовалую Еву. Потом взяла за руку старшего сыночка, шестилетнего Бору, и вошла в здание вокзала...

Когда они вернулись через 10 минут к тому месту перрона, где оставили свои вещи и маленькую Еву – «доброй» попутчицы не было... Раздался свисток – поезд тронулся и стал набирать скорость... Вслед за уходящими вагонами бежала мама с душераздирающим криком... Это был 1921 год. Страшное время. Голод погнал многих на благодатные земли Кубани. В Крыму свирепствовала ещё и эпидемия холеры. Отец уехал на заработки (ему повезло: он устроился в Краснодаре в «Коллективе безработных обувщиков», где сапожники делились между собой полученными заказами) и звал теперь всю семью... Семья навсегда оставляла Крым...

Мама ехала с двумя детьми... Еву украли на вокзале в Ростове... Не будь у малышки великолепных, запоминающихся золотисто-каштановых пышных кудрей, мама так и не нашла бы свою крохотную дочь. Изо всех сил мама бежала вслед за уходящими вагонами и иступленно кричала. В окне одного

из вагонов она увидела золотистую головку Евы. Люди поняли, отняли ребёнка, остановили состав, вернули маме её дитя...

Только теперь, крепко прижимая девочку к груди, мама вспомнила о старшем сыне – Борисе, оставленном ею на перроне...

Вот так мои родители перебрались на Кубань. Нас – младших – ещё не было. Все мы родились здесь и живём в Краснодаре всю жизнь.

Но не исчез, не высох в нашей семье родник родной речи. Все мы с младенческих лет владеем двумя родными языками: русским и крымчакским. По национальности я – крымчачка. Крымчаки – древняя, очень малочисленная никем не изученная тюркоязычная народность Крыма. Нас всего в мире около пятисот человек (в том числе в Крыму – на исторической родине – 204 человека).

Когда в 1983 году мы побывали на встрече с крымчаками – ветеранами Великой Отечественной войны, всех присутствующих поразило наше отличное знание крымчакского языка и фольклора, которые так бережно сумела сохранить наша семья, живя далеко от Крымской земли. Тем более что мы в Крыму никогда не жили. «Это – как не тронутый временем живой островок», – говорили ветераны. Песни, пословицы, поговорки, притчи крымчаков сохранились у нас в своей первозданной красоте...

Об одной из песен, о той, которую мама пела над нашей

колыбелью, хочу сказать подробнее.

Но сначала об уроке «Мамина колыбельная»...

...Наш класс – интернациональный. Когда поднимается из-за парты Асхад Тлепсук или его брат Махмуд, латышка Валия Венитулис, украинка Галина Калиниченко, армянин Сурен Авакян или братья татары Рахматуллины – не требуется никаких рекомендаций: русые, чёрные, ярко-рыжие причёски и косички говорят за себя. Когда провожу специальный урок поэзии современных поэтов или устного народного творчества, в классе наравне с русской звучит адыгейская, армянская, белорусская, украинская, татарская речь.

Вот один из таких уроков. Мы назвали его «Мамина колыбельная». Накануне попросила ребят записать песню, которую пела (а, может, и сейчас ещё поёт) мама детям на сон грядущий. Сначала возник неизбежный смех, оживление, которое вскоре сменилось глубоким раздумьем. По застывшим позам поняла, как это их всё же взволновало: мамина колыбельная, тёплые, ласковые слова, тихая, задумчивая мелодия...

И вот – урок. Один за другим рассказывают о маме, о её песне. Кто читает по записи, кто говорит наизусть, а кто-то даже попробовал тихонько напеть – все вслушиваются, принимают, как должное. Вечерние сумерки заглядывают в распахнутое окно – тихо, торжественно... Только слышится:

«Спи, усни, мой медвежонок...»

(латышская народная песня);

**«Спи, мамина травинка,
Все дети крепко спят...»**

(аварская колыбельная);

«Месяц над нашей крышею светит.

Вечер стоит у двора.

Маленьким птичкам и маленьким детям

Спать наступила пора...»

(русская).

Но вот неугомонный и решительный во всём Асхад вскидывает руку: я скажу! Вызываю к доске – встал, вытянулся в струнку и... заговорил речитативом. Плавно и гулко роко-чут слова незнакомой песни. Класс притих, замороженный, хотя никто не понял ни слова: поёт-то он по-адыгейски. Но что-то в этом клокочущем звучании тревожит, возвышает душу. Умолк Асхад, перевёл дыхание. Прошу его: «Расскажи по-русски, о чём ты пел». «А это, – говорит, – значит, что орёл взлетел над морем и носится над волнами среди чёрных туч...» Увлёкся мальчишка переводом, а я слушаю и изумляюсь: да ведь это же Максим Горький! Моим-то шестиклассникам невдомёк: они ещё не знакомы с «Песней о Буревестнике». Асхад нам представил не что иное, как вольный перевод сначала с русского на адыгейский, а теперь вот снова с адыгейского на русский. «Широко раскинулись могучие крылья птицы, стремительно взлетает она над волнами, зовя

бурю...», – так перед моими учениками впервые встал образ Горьковского Буревестника...

Мамина колыбельная... как много дарит она нам и в детстве, и теперь, когда мы возмужали!..

Мамины песни... Они и теперь помогают мне из урока в урок...

Шестиклассники, притихшие, с широко распахнутыми глазами, слушают сказку «Ашик-Кериб», записанную Лермонтовым, очевидно со слов какого-нибудь горца. И как я счастлива сейчас, что могу продемонстрировать песню Ашик-Кериба, записанную мною от мамы! Тогда, в ранней юности, не сразу я поняла, что у меня один из вариантов сказки, пленившей поэта своею красотой, богатством образов, сказки, которую он так и не успел обработать, отредактировать и издать. Если бы Лермонтов услышал сказку «Ашик-Кериб» в поэтическом варианте, он, безусловно, написал бы её как песню. Поэт, так глубоко любивший и почитавший творчество не только русского народа, но и национальных меньшинств, сделал бы песню Ашик-Кериба бессмертной. Его Казачья колыбельная песня, услышанная им в станице Червлённой, вернулась к гребенским казачкам, стала любимой народной песней и распространилась в устном бытовании на север и юг.

Лермонтов и сам был покорён далёкой колыбельной, о которой (как горько нам об этом сейчас читать!) пятнадцатилетним мальчиком написал такие строки: «Когда я был трёх

лет, то была песня, от которой я плакал: её не могу теперь вспомнить, но уверен, что если бы услышал её, она бы произвела прежнее действие. Её певала мне покойная мать».

Сказка-песня состоит из большого количества строф: обращение матери к сыну, Ашика к матери, к возлюбленной, к реке, невесты к «незнакомому» певцу... Я перевела её белыми стихами.

«Гытме, огулум, гытме!

Анен аглетме.

Аглетып-аглетып, каре баглетме...

Ооф, оф-оф!»

(«Не уходи, мой сын, не уходи

Не заставляй мать свою лить слезы,

Не сковывай меня чёрным горем навечно...

Оох, ох-ох!»)

Именно эта песня и была для нас маминой колыбельной. Её мы помним с младенческих лет – я, братья мои и сестры. Её певали старые крымчаки и в дни детства нашей мамы и ещё тогда говорили, что это самые древние баятлар (куплеты), которые они знают из уст своих родителей.

И как же не привести было эту песню на уроке устного народного творчества? Крымская тематика вдохновляла Пушкина и Мицкевича, Лесю Украинку и Михаила Коцюбинского, Максима Горького и Владимира Маяковского...

Как важно показать подросткам всё многообразие и богатство народных талантов. В сказках, песнях, былинах, легендах – истоки творчества великих мастеров.

«Начало искусства слова – в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нём, обрабатывайте его», – так говорил А.М. Горький.

Именно поэтому немаловажное значение имеет собирание, перевод и публикация еще никому не известных фольклорных материалов.

В нашем маленьком сборнике речь пойдет об устном творчестве, пожалуй, одной из самых древних и малочисленных народностей нашей страны – КРЫМЧАКОВ.

До сих пор о крымчаках нет в печати почти никаких материалов. Встречающиеся в официальных документах сведения скупы и незначительны.

Институт Этнографии Академии Наук СССР сообщает: (выписка) «Крымчаки представляют собой небольшую этническую группу, живущую в Крыму. Происхождение их почти не изучено... До войны основная масса жила в районе города Карасубазара (ныне Белогорск) в Крыму.

Значительные группы имелись также в Симферополе, Феодосии и некоторых других городах Европейской части СССР и Кавказа.

Во время оккупации Крыма немецкими захватчиками много крымчаков было зверски истреблено, часть их эвакуировалась.

В настоящее время 1500 крымчаков живет в Симферополе, примерно столько же – в других городах Крыма и Кавказа (большая группа живет в Сухуми).

Среди них всё больше и больше распространяется русский язык и русская культура. Молодежь крымчаков считает себя русскими.

Будущее крымчаков – слияние с русским народом».

Зав. сектором Европы Института Этнографии Академии Наук СССР,

доктор исторических наук, профессор И. И. Чебоксаров

«В «Атласе Народов Мира» (Издат. Главного Управления Геодезии и Картографии Государственного Геологического Комитета СССР и Института Этнографии им. Миклухо-Маклая Академии Наук СССР, г. Москва, 1964 год).

Страница 17. Карта «Народы Украинской ССР и Молдавской ССР»:

«...крымчаки отнесены к тюркской группе народов, и условные обозначения на карте в виде прямоугольничка зеленого цвета».

Страница 141. «Численность и расселение народов мира по странам и частям света на середину 1961 года». На странице 150 под номером 427 значит: «Крымчаки – 2 тысячи человек, в том числе в СССР – 2000 человек».

Страница 158.

«Этнический состав населения стран Мира»

СССР.

Алтайская семья:

Тюркская группа:

К р ы м ч а к и

В книге «Языки народов СССР» Том 2. «Тюркские языки» (Издательство «Наука». Москва. 1966 год (Академия Наук СССР. Институт Языкознания).

Первая территориальная группа тюркоязычных народов. Литовские (и белорусские), татары, караимы, КРЫМЧАКИ, урумы, крымские татары, гагаузы.

В историческом отношении данная территориальная группа сложилась из двух основных компонентов:

а) капчакского, в основе которого лежит население бывшего Крымского Ханства, сюда относятся крымские татары, литовские татары, караимы, крымчаки...

Страница 8.

«...кроме караимов, на территории Украинской ССР находятся две небольшие тюркоязычные этнические группы – крымчаки и урумы.

Крымчаки (1500 человек) в настоящее время, как и караимы, живут отдельными семьями как на территории Крыма, так и за его пределами...».

И надо сделать все возможное, чтобы памятники древнейшей народности Крыма не умерли вместе с самыми старыми представителями крымчаков, а были бы отданы людям многонациональной моей Родины.

ЗАБЫТОЕ БОГАТСТВО

Помню мерное покачивание на коленях, нежная мамина рука гладит меня по плечу. Мне худо, горячее дыхание обжигает губы. «Ай-нани...», – тихо напевает мама, склонившись надо мной, и ко мне нисходит спокойствие... Но вот уже иные, скорбные мелодии возникают. Мелодии, ставшие для меня символом неумирающего духа народа. Маленькой, мне хотелось бежать от них на край света, чтобы не слышать их пронзительно печального зова. Я просила, я требовала: «Не пой!», – не понимая, что они были малой частью тебя самой... Слепая детская жестокость, жгучее нетерпение сердца... Терпеливая, ты научила меня пересиливать эту острую, почти физическую боль-жалость, научила понимать, осмысливать и... навсегда полюбить их, твои песни. С той же настойчивостью и страстью просила я потом: «Мамочка, милая, пой!», – робко подхватывая грустный тягучий напев, и в глазах твоих в эти минуты сверкали слезы радости... Сколько вдохновенных ночей без сна провела я наедине с песнями, сколько горячих слёз пролила над школьной тетрадкой с переводами – этого никто не знал, даже ты!

Они стали нужны мне, твои песни, как влага, как воздух. Передо мной вставали живые образы тех, кто сложил эти песни. Я жадно впитывала их горькую правду о древнем крошечном тюркоязычном племени крымчаков, к которому

принадлежим мы с тобою, о маленьком, но великом в своих страданиях народе, обретшем счастье после Великой Октябрьской революции и теперь, после постигшей его трагедии, почти исчезнувшем.

Прошли годы, десятки лет. По сей день во мне не угас живой родник народной поэзии, что так щедро открыла ты мне в детстве. Я бережно собрала твои песни слово в слово, перевела на второй мой родной язык – русский и рассказала о них людям. Их полюбили мои мальчишки – твои внуки, ими заслушивались мои ученики, ими восхищались поэты и композиторы Кубани. О них, твоих песнях, перед самой своей кончиной взволнованно отзывался Самуил Яковлевич Маршак. «Мне показалось, – писал он, – что я слышу голос самого народа».

Мамины песни... Как тревожно звучат они...

Если б реки и море

Наводнили чернила —

Описать мое горе

Тех чернил не хватило б!

Если б я вместо перьев

Камышами писала,

Чтоб излить все, поверь мне,

Камыша было б мало!.. —

рыдает девушка, проданная в рабство (песня «Анэм дэр-сэм»).

Юноша-крымчак, впервые любящий, проклявший японскую войну, из окопа в полусгнившем рубище, как живой, в глаза мне заглянул:

**Если, мама, под оконцем
Загорланит воронье,
Значит, впился нож японца
В сердце бедное мое...
Сядут голуби на крышу —
Не гони тех голубей!
А друзья придут утешить —
Дай им нежности своей!..**

Позади дни, месяцы, годы работы. Все, что явилось моему внутреннему взору, сознанию, чувствам, обрело конкретные черты в записях, переводах, документах, письмах. Итогом долгого труда стала небольшая книжечка «Народные песни крымчаков», которая – увы! – остается пока только в рукописи... Снова и снова обращаюсь я к строкам этих песен. Вот «Песня бедняка», в которой образно показана разница между богатым (зенгын) и бедным (зюгурт):

**Эй, старики! Я – нищий Гасан —
Между баем и рабом разницу открою Вам!
Открою вам!
Богач – напрямки, сквозь лес на конях —
На дороге, на прямой вдруг заблудится бедняк!**

Эх, бедняк!

**В долгах как в шелках, плутает бедняк,
Куриный помет хватает бедняк, неужто пятак?**

Эх, пятак!

Нельзя без душевной боли слушать, а тем более петь старинную «Песню крымчаков, изгоняемых из Крыма»:

Покидаем милый Крым... Эй, яр!¹

Будьте же здоровы...

Как не заплакать нам?

Слезы в горле, как полынь... Эй, яр!

Это нам не ново...

Как же не плакать нам?

Я за дверью позабыл... Эй, яр!

Молоток с киркою...

Как не заплакать нам?

В основном, у нас песни-плачи. К примеру – песня «Горе». Пела ее лет сто назад моя бабушка.

Беда меня гонит в путь.

Беда не дает свободно вздохнуть.

.....
Рассказала б лесам – к ним слова не дойдут!

Рассказала б полям – ничего не поймут!

Рассказала бы людям – не примут участия,

А в себе схоронить – сердце рвется на части!

¹ Супруг (половина), любимый.

Это было в конце XIX столетия. Бабушка неожиданно узнала о болезни брата, который жил в Карасубазаре. Там, на ее родине, начиналась эпидемия холеры. Бабушка выехала в дилижансе из Керчи в Карасубазар, чтобы спасти детей брата, взять их к себе. И вот, оставляя свою семью, своих малышей, она пела эту старинную песню. Моя мама, тогда еще маленькая девочка, запомнила ее на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.